

“дай”, которое выражается в очень разнообразных выражениях как грамматически, так и лексически. Другое ключевое слово – “защищать”, от природных катаклизмов (дождь, ветер), огня, болезней, плохих людей и плохих вещей. Природные катастрофы тоже исходят от Бога: “его” пожары, “его” ветры. Плохие люди – это, как правило, те, кто способен проклинать на удмуртском языке: те, кто угрожает “съесть тебя, выпить тебя, взять тебя”. Это явная отсылка к ремеслу колдовства, которое питается энергией своих жертв.

Мы представляем эти тексты на трех языках – удмуртском, русском и английском. На данный момент мы представляем удмуртские тексты в эмпирической транскрипции, на которую опираются жрецы, а не в научной диалектологической транскрипции, которую мы попытаемся создать позже. Эта транскрипция представляет собой смесь удмуртского литературного языка и диалектных особенностей, но не пытается быть абсолютно точной в представлении всех особенностей. Сами жрецы точно знают, как произносить каждое слово, так как они читают на своем диалекте. В английском переводе сделана попытка дать точное изложение удмуртского текста.

Фильмы

Съемка фильмов была важным компонентом полевых работ с самого начала нашего исследования закамских удмуртов. Большая часть съемок была сосредоточена на публичных молитвенных обрядах. Лийво был главным кинорежиссером в исследовательской группе, но другие – Ранус, Николай, Лаур и Ева – также внесли большой вклад в аудиовизуальное документирование ритуальной жизни. Даже Денис Корнилов, кинорежиссер из Удмуртии, дважды присоединялся к команде, чтобы помочь со съемками. Помимо молитвенных ритуалов, команда также записывала обряды в более интимной обстановке в Татышлинском районе и других местах. Мы считаем, что запись публичных обрядов и ритуалов оправдана по нескольким причинам.

Во-первых, эти церемонии имеют высокую культурную ценность, которую необходимо показать всему миру. Обычно мировоззрения, не связанные с мировыми религиями, маргинализируются, даже игнорируются, особенно в православной России. Даже большинство удмуртов, живущих в Удмуртии и давно перешедших в православие, мало знают об анимистической традиции, сохранившейся в диаспоре. Снимая ритуальные практики в Татышлинском районе, мы хотели внести свой вклад в более широкое признание существования анимистических обрядов

среди закамских удмуртов. Мы считаем, что фильм как популярный носитель информации лучше подходит для этой задачи, чем научный текст.

Вторая причина, по которой мы хотели использовать видеокамеру в полевых работах, заключалась в том, чтобы облегчить обмен результатами исследования с нашими информантами и партнерами по исследованию. Нашей целью было записать коллективные обряды для самих местных общин, чтобы они могли использовать эти записи в своих интересах – как культурные документы, как свидетельства истории каждой деревни, как руководства для обучения своих жрецов и т. д. Вот почему после каждой церемонии, записанной летом 2013 года, Лийво и Ранус редактировали черновой вариант фильма из записанного видеоматериала и распространяли его на DVD или в виде файла с фильмом среди жрецов. С одной стороны, мы чувствовали себя обязанными вернуть что-то общинам, с другой стороны, мы хотели показать черновые варианты фильмов жрецам, чтобы зафиксировать их реакцию, как для получения новой информации о церемонии, так и для того, чтобы убедиться, что все было представлено правильно и удовлетворительно.

Третьей причиной использования киносъемки в качестве инструмента исследования в нашей этнографической полевой работе был интерес к сенсорным аспектам обрядовой практики. Для нас важна передача чувственного измерения ритуальной деятельности, поскольку это помогает зрителю осмыслить телесный и эмоциональный опыт людей, проводящих церемонию и присутствующих на ней. Сенсорный аспект фильма помогает зрителю уловить атмосферу моления и понять, что значит быть физически вовлеченным в ритуальные практики, будь то приготовление каши, снятие шкуры с овцы или коленопреклонение и молитва. Аудиовизуальное изображение способно не только передать визуальную информацию о записываемой деятельности, но и донести ее слуховые и даже неявные качества (см. Pink 2006; MacDougall 1998, 2006).

Нашей целью было как можно более точная фиксация ритуальных действий, как они происходили, со всей интенсивностью, спонтанностью и непредсказуемостью, характерной для события, в котором участвует множество людей и происходит ряд параллельных действий. Для достижения этой цели мы выбрали наблюдательный подход к съемкам. Это означает, что необходимо было сделать определенный выбор как в способе съемки, так и в процессе монтажа.

Мы с самого начала решили документировать удмуртские религиозные обряды, не беря формальных интервью и не регулируя поведение участников, например, предлагая им повторить свои действия на камеру.

Также было очень важно свести съемочную группу к минимуму. Обычно во время церемоний в съемках участвовал только один человек. С профессиональной точки зрения было бы лучше использовать еще одного человека для записи звука, но мы решили предпочесть спонтанность действий, как участников, так и режиссера, качеству звука. Запись звука для фильма требует специальных навыков и оборудования, и это означало бы приглашение в нашу исследовательскую группу профессионала в области кино, который имеет небольшой опыт этнографической полевой работы или не имеет его вовсе. К счастью, современные аудиотехнологии – наш накамерный микрофон с ветровым стеклом в сочетании с беспроводным микрофоном-клипсой – позволили нам записать звук приемлемого качества даже несмотря на то, что Лийво снимал в одиночку.

Лийво Ниглас, который до сих пор снял большинство фильмов команды о молитвенных обрядах, всегда предпочитает снимать один, даже когда работает над документальными проектами, получающими достаточное финансирование для того, чтобы нанять команду профессионалов. Обычно он является режиссером, оператором и звукорежиссером, а также одним из редакторов фильма. Работа в одиночку дает ему необходимую свободу для принятия правильных решений при наблюдении с помощью видеокамеры за происходящими, часто непредсказуемыми событиями. Его цель – наблюдать за спонтанными действиями героев фильма, включая их реакцию на присутствие камеры. Другие исследователи-кинорежиссеры в нашей команде работают таким же образом.

Наш способ создания фильмов основан на наблюдении, но не исключает участия. Хотя интервьюирование людей на камеру во время обряда обычно не проводится, спонтанное, как вербальное, так и невербальное, взаимодействие с объектами съемки стало важной особенностью съемочного процесса: оно не только помогает кинематографисту оставаться физически рядом с объектами, но и приглашает их стать активными участниками создания кинорепрезентации. Такой подход к съемкам имеет много общего с нашим основным методом полевой работы – наблюдением за участниками.

Нашей целью было не достижение объективного и/или кинематографически совершенного описания реальности, а содействие эмоциональной и сенсорной встрече между режиссером (и, соответственно, зрителем) и объектом съемки. Вместо того чтобы снимать издалека, стараясь запечатлеть каждую деталь в безличной и отстраненной манере, мы оставались рядом с объектом и полагались на нашу субъективную интерпретацию снятой реальности. Близость к людям и субъективное измерение съемок также проявляется в стиле использования камеры.

Для того чтобы внимательно следить за объектами съемки, мы предпочитаем снимать на легкие ручные камеры, так как использование тяжелых камер и штативов делает реализацию спонтанных решений невозможной.

При монтаже также соблюдались принципы наблюдательного кино. Чтобы сохранить временные и пространственные аспекты снятых событий, в процессе монтажа предпочтение отдавалось длинным дублям и небольшому количеству сокращений. Кроме того, избегались интервью, закадровые комментарии и музыкальное сопровождение, чтобы зрители могли сформировать свои собственные представления и интерпретации и создать впечатление, что они являются непосредственными участниками событий. Наблюдательный подход предлагает зрителю возможность взглянуть на жизненный опыт других людей. Он стремится передать ощущение ритмов повседневной жизни в конкретной физической и социальной среде, снять отношения субъектов с другими людьми и материальными объектами; он позволяет зрителям услышать родную речь со всеми ее интонациями, перепадами и акцентами. Этот вид киносъемки не делает вид, что камеры нет, не скрывает присутствия и влияния режиссеров; напротив, каталитическая роль камеры на поведение людей может считаться одним из краеугольных камней наблюдательного кино (см. MacDougall 1998, 2006; Young 1975; Henley 2004).

Выбор подхода, основанного на наблюдении, вызвал определенные трудности. Поскольку камера почти всегда находилась рядом с жрецом, невозможно было охватить все ритуальные действия с одинаковой точностью. Наблюдая за основным действием, оператор рискует пропустить параллельные действия, происходящие в другое время. Например, бросание крови в огонь людьми, забивавшими овец, часто не было должным образом задокументировано, поскольку камера в этот момент снимала молящегося жреца (жрецов). Этого можно было бы избежать, если бы мы снимали ритуал с расстояния, но тогда мы бы упустили выражения лица и другие признаки переживания жреца, читающего молитву.

Самой большой проблемой при проведении съемок было незнание языка. Для достижения нашей цели – задокументировать ритуал как живой опыт, мы старались следить за обычными разговорами и светской беседой (приветствия, вопросы о здоровье, шутки и т.д.), потому что это спонтанное устное общение часто раскрывает важные вопросы, ценности и отношение людей. Поскольку Лийво не понимает удмуртского языка, он снимал устный обмен участников достаточно долго, чтобы мы могли включить некоторые из них в окончательный фильм после того, как Ранус сделает перевод. Целью было не столько предоставить больше информации о процессе и значениях обряда, сколько помочь зрителям

увидеть обряд как социальное действие, где формируются новые и укрепляются старые отношения, где приобретает социальный капитал отдельных людей и поддерживается социальное единство деревни. Это также показывает, что обряд является местом передачи ритуальных знаний следующим поколениям и обсуждения концепций надлежащего сакрального поведения. Включая в фильм как длинные разговоры, так и светские беседы, мы стремимся предоставить зрителям социальный контекст обряда и продемонстрировать, что жертвенный ритуал касается как живых людей и обыденного, так и богов и сакрального.

К этой книге прилагаются ссылки на 4 фильма, которые представляют собой годовой цикл коллективных церемоний вильгуртской группы. Моления были записаны в период с 2013 по 2017 год и выпущены в виде комплекта DVD в 2019 году (Niglas 2019). Все фильмы связаны с персонажем Фридмана Кабибянова, молодого жреца из деревни Малая Бальзюга.

В первом фильме мы видим Фридмана, проводящего деревенский обряд (*гурт вöсь*) в д. Малая Бальзюга в 2014 году. Он еще молодой неопытный жрец: читает молитвы с бумажки и во многом полагается на советы своих помощников и своего предшественника Назипа Садриева. Второй фильм документирует совместный обряд (*мör вöсь*) в с. Новые Татышлы в 2013 году. Фридман организует сбор зерна у жителей деревни Бальзюга и покупает овцу, чтобы отвезти ее в с. Новые Татышлы в качестве вклада от своей деревни. В церемонии Фридман выступает в качестве помощника, а главным жрецом является Раис Рафиков, который ведет церемонию благодаря приобретенному авторитету, опыту и своей харизматической личности. Третий фильм, посвященный *Элен вöсь*, также был записан в 2013 году. Здесь Раис, Фридман, Салим Шакиров и другие забирают овцу, получают котлы в с. Новые Татышлы и едут в д. Кирга, где проходит совместный обряд закамских удмуртов. И снова Раис отдает распоряжения Фридману и другим по приготовлению каши. Тем не менее, именно Салим вместе с другими жрецами читает молитвы перед большой аудиторией. Ведущий церемонии – Анатолий Галиханов из д. Алтаево, который контролирует темп церемонии, дает благословение людям, приехавшим из разных уголков удмуртской диаспоры, дает интервью телевизионной съемочной группе из Москвы и т.д. Заключительный фильм цикла, снятый два года спустя, посвящен зимней совместной церемонии *тол мör вöсь* в с. Новые Татышлы. Мы видим Раиса и Салима, которые ведут церемонию, но на этот раз Фридман выступает в роли опытного жреца, уверенно участвуя себя в обрядовых действиях и произнося молитвы по памяти.

С 2013 года мы сняли еще много молитвенных обрядов и других ритуалов, но на первом этапе монтажа мы решили ограничиться этими четырьмя фильмами. Редактирование – тяжелая работа, особенно когда редактор, как в случае с Лийво, не понимает языка. К счастью, наши удмуртские коллеги становятся все более опытными в кинематографе, и мы надеемся, что очень скоро они возьмут на себя создание фильмов команды, включая те, которые уже сняты, но не смонтированы.

Заключение

Татышлинский район сегодня является, несомненно, центром удмуртов Башкортостана по разным причинам. Конечно, сила колхоза “Демен” и его харизматичный лидер Ринат Галямшин привели к тому, что в с. Новые Татышлы были построены объекты, позволившие превратить деревню в своего рода маленькую удмуртскую столицу Башкортостана. Именно здесь создан и базируется Национально-культурный центр и Национальное движение, особенно если учесть, что здесь же базируется и постоянно действующий Историко-культурный центр со штатом сотрудников, который оказывает Национальному движению материально-техническую поддержку. Это одна институциональная причина. Но другая, очень существенная, причина заключается в том, что с религиозной точки зрения здесь существует очень прочная сеть, функциональная система, в которой каждый находит поддержку. Мы попытались объяснить эту систему как можно более четко в данном тексте.